

Таким образом, рассмотрение производных метафорических значений глаголов социальных действий и отношений в аспекте их соотношений с исходными значениями позволяет не только выявить систему регулярных метафорических переносов, но и благодаря когнитивным методам объяснить появление метафорических глагольных значений в литературном языке и в общем жаргоне.

Воронина Т. М. Образные семантические модели русских глагольных предложений: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб.. М., 1990. С. 387—415.

Мечковская Н. Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты // Лог. анализ яз.: Языки пространств. М., 2000. С. 299—307.

Резанова З. И., Мишанкина Н. А., Катунин Д. А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1. Воронеж, 2003.

Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М., 2005.

СОЖ — Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы встречались: Слов. Общ. жаргона. М., 1999.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001.

Статья поступила в редакцию 05.12.2006.

Е. Н. Иванова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ XVIII В.: АКИНФИЙ И ПРОКОФИЙ ДЕМИДОВЫ

Статья выполнена в русле актуального направления современной лингвистики, изучающего языковую личность. Сопоставительный аспект исследования выражается в сравнении двух языковых личностей XVIII в. — Акинфия Демидова и его сына Прокофия — в плане их лексических, синтаксических, стилистических предпочтений. Источником послужили их частные письма и деловые бумаги. Материал исследования акцентирует региональную (уральскую) специфику текстов.

По справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов, 1987, 27]. Анализ совокупности текстов, принадлежащих одному человеку, позволяет выявить специфические черты языковой личности: ее отношение к языковой норме, грамматические, лексические, стилистические предпочтения и т. п.

Целью статьи является сравнение двух языковых личностей — Акинфия Никитича и Прокофия Акинфиевича Демидовых. Материалом послужили их письма и бумаги¹. Письма А. Демидова относятся к сугубо деловой переписке (прошения, челобитные Петру I, донесения в Берг-коллегию и Сибирский обербергамт и письма к своим приказчикам в контору), а документы П. Демидова представляют собой преимущественно частную, семейную переписку (с детьми, братом и зятем). Различие сохранившихся источников, конечно, задает ряд особенностей, однако не настолько существенных, чтобы сопоставление перестало быть возможным.

Обратим внимание на некоторые биографические данные, важные для формирования представления об этих личностях. Акинфий Никитич Демидов (1678—1745) — выдающийся уральский горнозаводчик, сын Никиты Демидовича Демидова (Антуфьева/Антюфеева) — тульского оружейника, которому в 1702 г. Петр I передал железные заводы в Сибири. Акинфий Никитич почти постоянно жил в Невьянске и оттуда руководил своим обширным хозяйством. Специального образования у него не было, впрочем, как и домашнего, но писать и читать он все-таки научился. Об этом свидетельствуют его письма, которые он не только подписывал, но и иногда правил, добавляя что-либо от себя лично. В его краткой автобиографии, хранящейся в бумагах Московской домовой конторы, есть упоминание о том, что он «с самых юношеских лет приучаем был родителем своим к познанию минералов, гидравлики, механических и других искусств, повсюду находился с ним при устройении заводов и был ему вернейшим помощником» [Черкасова, 1994, 12].

У Акинфия Демидова была библиотека, и в ней «книг русских и немецких» насчитывалось 441. Среди них можно выделить издания религиозного, учебного и светского характера. К последним принадлежат исторические описания различных путешествий, сочинения А. Кантемира, В. Тредиаковского, педагогические сочинения, описания фейерверков, оперные либретто, книги по металлургии, минералогии, технике, математике, естествознанию, географические атласы [см.: Пирогова, 2000, 6—17]. О наличии каких бы то ни было словарей в библиотеке А. Демидова данных нет.

Прокофий Акинфиевич Демидов (1710—1786) — старший сын А. Демидова, родился в Сибири. Большую часть жизни провел в Москве, но бывал и за границей [см.: Головшиков, 1881, 96—97]. Напомним, что наследники Акинфия Никитича оспорили его завещание и потребовали раздела имущества на равные части. 1 декабря 1757 г. братья получили раздельные грамоты, а 1 мая 1758 г. вступили в особое владение каждый своей долей [см. об этом: Кафенгауз, 1949, 234—235]. Прокофий Акинфиевич получил 6 заводов, которые впоследствии продал С. Я. Яковлеву [см.: Головшиков, 1881, 126—130]. Круг его занятий был весьма разнообразен: он был крупным благотворителем, развивал кредитование, а ботаника и разведение

¹ Все документальные эпистолярные источники собраны доктором исторических наук А. С. Черкасовой и хранятся в архиве Демидовского института.

садов стали для него душевным делом. Парадоксальный человек, П. Демидов удивлял и даже раздражал современников необычными поступками, выходками, прослыл чудаком, о нем известно больше анекдотов, нежели реальных и достоверных биографических фактов.

Регулярного и систематического образования сын Акинфия Демидова не получил. Как и отец, он только подписывал свои письма, лишь иногда дополняя их краткими приписками, и даже письма к своим детям писал не сам. Содержание писем говорит о том, что П. Демидов любил читать книги, следил за книжными новинками, часто просил своих родных и знакомых прислать ту или иную, мог выразить свое отношение к прочитанному, и библиотека, очевидно, у него была². Судя по всему, Прокофий Акинфиевич предпочитал развлекательную литературу, народные сказки и другие фольклорные произведения (ср., например, упоминание о молодильных яблоках в одном из писем). Известно, что он собирал газетные публикации о себе и своих благотворительных делах («Санкт-Петербургские ведомости»). П. Демидов выступил автором так называемого трактата «О пчелах», опубликованного в журнале «Русский архив» (1783, № 11, стб. 2236—2242).

Итак, отец не получил регулярного и целенаправленного образования и не дал его сыну, но поскольку от природы и тот и другой были пытливы, любознательны и восприимчивы к новым знаниям, то жизнь каждого не прошла незамеченной для потомков и истории.

Еще одно замечание, касающееся оформления документов, состоит в том, что в основном письма и распоряжения выполнены писцами, а исследуемые личности только подписывали и незначительно дополняли их. Естественно, писцы, следуя сложившейся к тому времени традиции письма, привносили в документы черты, возможно, и не характерные для соответствующей языковой личности. Так, в исследуемых текстах можно заметить достаточно последовательно употребляемые архаические сложные формы глагольных времен, которые скорее всего вводятся именно писцами. В зачинах официальных документов в вышестоящие организации, стандарты которых во второй половине XVIII в. должны были знать работники канцелярий, встречаются и церковно-славянские окончания имен существительных и прилагательных. Отчасти именно по этой причине графические и грамматические особенности документов не отражают в полном объеме установок языковой личности и не рассматриваются в данной статье.

Анализ языковых личностей осуществляется путем сопоставления различных языковых приемов в рамках следующих критериев: 1) лексического (выбор автором тех или иных групп лексики), 2) синтаксического (использование определенных синтаксических единиц и конструкций), 3) стилистического (предпочтение выразительных и образных средств, владение различными складывающимися стилями, выработка индивидуального стиля).

² Не все современные исследователи разделяют эту точку зрения. Так, Е. П. Пирогова выражает сомнение в том, что Прокофий Акинфиевич был читающим человеком, и называет свою главу о нем «Читал ли книги Прокофий Демидов?» [см.: Пирогова, 2000, 26—27].

Лексика — один из ярких показателей индивидуальности языковой личности. Поэтому в первую очередь в статье рассматриваются именно особенности лексиконов и словоупотреблений.

А. Демидов в своих письмах свободно употребляет заимствования: *проба*, *резолуция*, *коллегия*, *дистрикт*, *берг-геишворен* и др. Почти все заимствования в письмах А. Демидова функционально ограничены, т. е. относятся только к сферам горного дела, металлургии, финансов и коммерции [об этом подробнее см.: Иванова 2003, 17—20]. Это позволяет сделать вывод о том, что А. Демидов использует заимствования только там, где это действительно необходимо, и в его текстах нет неоправданных иноязычных единиц, более того — он ищет русский аналог к некоторым из них (например, *инструмент* — *снасть*, *окуратной* — *порядошной* [счет]), что вполне закономерно для более ранней стадии усвоения заимствований.

А. Демидов в своих письмах использует такие славянизмы, как союзы *аще* (если), *дондеже* (до тех пор, пока) и *понеже* (поскольку), наречия *елико* (насколько), *зело* (очень), частицы *негли* (неужели), *точию* (только). Как правило, славянизмы не создают особого возвышенного стиля, за исключением, пожалуй, челобитных на высочайшее имя, где лексические славянизмы поддерживаются морфологическими, а также инверсией, что уже в первой половине XVIII в. становилось определенным образцом — формулой для зачина документов этого вида.

В документах А. Демидова отражается большое количество просторечных слов: *убивство* (убийство), *убивец* (убийца), *рожа* (лицо), *дурак*, *дурачьё*, *охулка* (от глагола *хулить* — порицать) и др. Есть и такие слова, значение которых устанавливается по контексту: *николицина* с вариантом *миколицина* (не только праздник Николая Угодника, но и пьянство, загул, похмелье после праздника). Разговорные элементы, как правило, эмоционально-экспрессивно окрашены. К этой же группе слов функционально примыкают некоторые диалектизмы. Например, *одолда* (глупый человек) [см.: СРГСУ—Д, 365], *огуряться* (лениться, отлынивать) [Даль, II, 649: *влд.*, *вгд.*, *нвг.*, *прм.*, *тмб.*] и однокоренное *огуричик* (лентяй; непослушный, упрямый человек) [Там же; СРНГ, 22, 367: *иван.*, *новг.*, *твер.*]. Такими словами А. Демидов пользуется в распоряжениях, ордерах, обращенных к своим приказчикам, т. е. нижестоящим адресатам, там, где он менее связан официальностью письменного общения, где может позволить себе выражать свои чувства и настроения.

Нецензурных выражений в письмах А. Демидова не встретилось. Это может объясняться как природой самого источника (деловая переписка), так и причинами психологического и личностного свойства: можно предположить, что автор не считал возможным употреблять их в письменном тексте.

«Любимый» суффикс А. Демидова (слова с которым, кстати, не зафиксированы в «Словаре русского языка XVIII в.») — *-оват-* со значением «именующий свойства того, что названо мотивирующим словом»: *дребезговатый* (поломанный, нецелый), *зябловатый* (поврежденный морозом), *метоватый* (помеченный); о железе: *переслеговатый* (попорченный) и *пленоватый* (неоднородный).

В текстах А. Демидова активно и детально разрабатывается терминология металлургического производства и сопредельных областей³. Источниками терминов становились, во-первых, заимствования (*маркшейдер, фузея, мортира, фурма*), во-вторых, общенародная лексика (часто за счет развития лексического значения слов, например: *плавильная печь, свинки* — фундамент), в-третьих, характерные для Урала диалектизмы: *векиша* — блок, *кабан* — определенным образом сложенные в кучу дрова, *курень* — место выжига угля.

Для специальной лексики в письмах и бумагах А. Демидова характерна вариативность различного рода. Например, немецкому термину *роштейн* соответствует русское словосочетание *черная медь*. Показательно развитие словообразовательных и смысловых (семантических) связей иноязычной основы *гермахер* -: *гермахер, гермахерский мастер, гермахерский* (в знач. сущ.) — мастер, очищающий черную медь при гермахерском горне; *гермахерский горн* (разделительный или извлекаемый горн⁴); *гермахерская медь* (очищенная медь). Частотен такой тип варьирования терминов, когда полное наименование в виде словосочетания чередуется с его кратким именованьем в виде одного слова с изменением частеречной принадлежности (*в молотовой фабрике* — *в молотовой*). В текстах А. Демидова можно видеть процесс формирования и развития уральской горнозаводской терминологии.

С разговорной стихией в письмах А. Демидова связано построение словосочетаний и предложений⁵. Все его тексты отличаются более или менее развернутыми синтаксическими конструкциями, вербализующими, как правило, одну микротему. Глагол часто помещается в конце такой единицы: *Писмо твое и при нем въѣдомость о выплавкѣ чугуна, о дѣлѣ в молотовых и в колотушках желѣза и о протчем заводском поведении сего генваря 9 дня я получил...* (10.01.1738). Порядок слов в предложениях часто отражает ассоциативный ход мысли автора: *...пошли от себе ково ты к тому пристойных знаешь въѣрных людей...* (1738). С этим согласуется и другое распространенное явление в синтаксисе писем А. Демидова — отрыв придаточного от определяемого слова в главной части: *Плотника Тихона пришли сюда, которой у баржи работает* (16.02.1738).

Несмотря на то, что письма А. Демидова носят в основном деловой характер, информация в них окрашена отношением автора к людям и событиям, ср.: *О чемъ ему [доменному мастеру], государь, должно жестоко приказать, дабы он какъ самъ, такъ и другия при оной домнѣ служители работаючи, не за все дремали: надобно с нею водитца, какъ с малымъ ребенкомъ.* (02.03.1724). В этом примере весь А. Демидов: он с болью переносил поломки и порчу имущества, а также все неудачи, когда чему-либо «чинилась остановка», так как, по всей видимости, относился к делу своей жизни не просто как к живому существу, а как к своему

³ Об особенностях уральской горно-заводской терминологии см.: [Голованова, 1995, 203—206; 1996, 171—174]

⁴ Такое толкование встречается в «Словаре малоизвестных терминов» В. Геннина, приложенном автором к своей книге [см.: Геннин, 1937, 637].

⁵ Подробнее о синтаксисе деловой переписки см.: [Викторова, 1994, 20—21].

детищу. Поэтому многие образы, пословицы и поговорки выстраиваются у него на связь конкретных операций производства с явлениями природы и жизни человека. Вот несколько примеров тому: ...медная руда... *рожею и цѣѣтит* (21.11.1739); *Лъзя ли пасти с волками вместе овецъ, такъ и порохъ вмѣстѣ з желѣзом возить* (19.05.1739); *Какъ пьяной мужикъ с непьяным будет говорить, такъ будут меха ходить* (11.11.1738).

Характерна неоднократно встречаемая оценка действию приказчиков, выраженная приблизительно одной «формулой»: *смотрение имѣтца однимъ локтемъ* (12.07.1744); *смотрели б... сами, а не локтемъ бы из окна указывали* (09.07.1740); *ты лохтем из окна указывал* (27.11.1733); *смотрение за тѣм имѣть затылком, а не глазами...* (16.07.1738); *дабы... имели... смотрение окомъ, а не бокомъ...* (26.11.1738). Эмоциональность, как видим, также не чужда языку писем А. Демидова.

В его текстах нередко также повтор предлогов (*у завоцкого жителя у Ивана Космина*) и формы глагола с суффиксом **-ива-** со значением многократности действия (*грузивали тяжелыя припасы*). Подобные элементы в какой-то степени диссонируют с самой деловой направленностью документов. Из последующего развития теории стилей видно, что эти категории не стали признаками официально-делового стиля.

Несмотря на масштабность и серьезность своей деятельности, А. Демидов мог и иронизировать в письмах к приказчикам, проявляя при этом определенную степень восприимчивости к устному народному творчеству⁶: *Я слыхал в ыстории у Кирилы Даниловича: звалъ зять тещу к себѣ в гости к празнику ко Христову дни [март-апрель], а она к нему приехала к Петрову дни [июль], а междо темъ все збиралас да наряжалас, а нынѣ приличествуетъ к тому и ваше здоровье к часовой колоколни наряжается копать ямы после Семенова дни [сентябрь], а я вам о томъ нарядь отдалъ прежде Христова дни...* (07.05.1741).

А. Демидов вникал сам во все области хозяйства и производства, обо всем давал детальные распоряжения и спрашивал со своих служащих также подробно и строго: *Получа сие, прикажи подлинную справку возыметь о нашемъ скоте — о коровах, о быках, о телятах, о свинях, об овцах — и о птицах с товарищи, сколько их в прошлом годе было налицо и нынѣ сколько от них богъ даровал приплоду, сиречь прибыли от всего оного скота и птицъ и сколько убыли явилос. Обо всемъ вышеписанном прислатъ к намъ обстоятельной репортъ и дворцовъ [скотных дворов] Катабинского и Капасихинского в забвении не оставъ* (23.05.1740).

А. Демидов в своих документах предстает как человек, способный выбрать языковые средства для реализации своей коммуникативной цели. Его речь эмоциональна, он может даже пошутить; он строг, дотошен, но справедлив⁷. Тексты,

⁶ Напомним, что сборник Кириши Данилова впервые был опубликован в 1804 г. А в 40-х гг. XVIII в. Акинфий Никитич сам слушал эти истории, более того, Кириша Данилов жил на заводах А. Демидова [об этом подробнее см.: Байдин, 2001, 73—110].

⁷ Такой новый по сравнению с советской историографией поворот в концепции личности Акинфия Никитича изложен в кн.: [Черкасова, 1994, 10—29].

созданные А. Демидовым, выглядят в целом мозаично: в них соседствуют разнообразные по происхождению и функции элементы и множественные их варианты. И все это автор старается приспособить к единой деловой целеустановке в новом по сравнению с языком приказов XVII в. зарождающемся официально-деловом стиле.

П. Демидов на страницах своих писем обнаруживает хорошее владение словарным богатством родного языка: основной пласт здесь составляют разговорные общенародные слова, однако автор легко употребляет в речи новые заимствования из западно-европейских языков (*репортовать*, *партикулярный*, *шкипор*, *директор*, *медаль* и т. п.), при этом его речь отнюдь не выглядит излишне нагруженной иностранными словами. Передача иностранных слов демонстрирует их недостаточную пока адаптацию в общерусском словаре: такие факты, как *агиланец* вместо привычного в настоящее время *англичанин*, *шкипор* вместо *шкипер*, *крикс-камисариат* вместо *военный комиссариат*, *селцерская вода* вместо *сельтерская вода*, *меленхолия* вместо *меланхолия* и т. п., свидетельствуют об устном усвоении заимствований. Наряду с этим в письмах отражается и процесс индивидуального освоения чужих слов; так, в текстах встречается форма *кофь* вместо *кофе* (тогда как более частотным во второй половине XVIII в. было употребление этого слова в форме *кофей*). Слово *банкрот* в устах П. Демидова приобретает форму *панкрат*, причем трудно определить, является ли такое переосмысление слова заблуждением автора, или ошибкой секретаря, или же это факт осознанной языковой игры. Отметим, что ко времени написания писем русская лексика еще не прошла стадию закрепления в словарях (кодификацию), поскольку первый нормативный словарь русского литературного языка (Словарь Академии Российской) находился в стадии подготовки (он выходит отдельными выпусками с 1789 по 1794 г.), однако словари иностранных слов существовали уже при Петре I [см., например: *Поликарпов-Орлов*, 1704; Вейсманнов словарь, 1731; Лексикон российский и французский, 1762; *Курганов*, 1769; Российский Целлариус, 1771; Российский, с немецким и французским переводами словарь, 1780—1782], поэтому у грамотного человека была возможность познакомиться с рекомендуемым произношением и написанием иноязычных слов.

Впрочем, письма свидетельствуют о том, что П. Демидов не считает необходимым при написании писем близким людям строго соблюдать какие бы то ни было нормы в использовании лексики. Заимствованные слова соседствуют в текстах с просторечными, грубыми и даже нецензурными словами. *Не то баишь* (говоришь), *сумневаюсь* (сомневаюсь), *плотит* (платит), *таперя* (теперь), *бурдит* (очевидно, от *бурда*; в тексте глагол имеет значение «делает то, что не положено»), *лутошки* (лучинки), *выпуча глаза*, *галик* (очевидно, веник-голик) — эти и подобные слова взяты из живой разговорной речи, и значения их нередко можно установить только по контексту, так как просторечие той поры плохо зафиксировано словарями. С другой стороны, не чужд лексикон П. Демидова и книжных славянизмов: в текстах встречаются слова *зело* (очень), *понеже* (поскольку), *сладко глаголивая* (сладкоречивая) и др. Свобода в пользовании лексическим богатством род-

ного языка делает письма П. Демидова яркими и выразительными, однако нередко именно эта яркая индивидуальность письма затрудняет понимание текста современным читателем.

Письма П. Демидова, обращенные к близким людям, передающие ситуацию непосредственного и довольно частого общения с адресатами, в то же время не ограничены использованием разговорного стиля речи. В них очень сильна фольклорная струя — автор любит включать в повествование пословицы, поговорки, образные выражения, подчеркивая их народный характер, о чем свидетельствуют специальные «вводы»: *по пословице: борода и глазамъ замена* (26.02.1784); *по пословице: черезъ силу и конь не повезетъ* (07.03.1784); *по пословице: нахальныя глаза и дымъ терпятъ* (19.01.1786) и т. п. Судя по письмам, у автора есть свои любимые поговорки: например, несколько раз повторяется выражение *как орех(и) (раз)грызть* (сделать что-либо с легкостью, без угрызений совести): *ково уши-бить, будто орехъ разгрызетъ* (11.09.1785); *она такъ лгать любить, какъ орехи грызть* (03.03.1785); дважды повторена пословица *нахальныя глаза и дымъ терпятъ* и т. п. Интересно употребление поговорки *из блохи зделали слона* (03.03.1785) — выражение *делать из мухи слона* восходит к латинскому *Elephantum ex musca facis*, и появившаяся у П. Демидова *блоха* является, очевидно, его собственным творчеством. Любовь к поговоркам и пословицам у П. Демидова так сильна, что в одном из писем (5.10.1783) он даже собственноручно записывает для адресата пять крылатых выражений.

Можно предположить, что народные речения — часть той речевой маски, которую надевает на себя П. Демидов. Это маска балагура и простака: *вместо слезъ лутчея смеятца* (22.10.1780); *я ушь дурачитца по своему летучему разуму* (16.11.1780); *мое дурачество тебя в смехъ привело* (13.07.1780) и т. п. На эту маску «работает» также употребление образных слов и выражений: *юлка* (т. е. *юла* — о проворной вертлявой птичке); *пустеки в патаке* (1779); *послушай-ка, какъ онъ хвастаетъ — волосы вянутъ* (03.08.1783) и т. п., — а также индивидуальные образования экспрессивного характера: *попришеить*, явно связанное с выражением *дать по шее*: *А ежели поленицца, можно тогда и попришеить* (07.03.1779). Образ балагура дополняется языковой игрой — см. выше: *панкрат* вместо *банкрот*, *присудственныя* вместо *присутственныя*; ср. также: *Поповъ сынъ достоинъ и в протопоны* (30.12.1779) — о человеке по фамилии *Попов*), ритмизованными повторами (*харчи-марчи* — 30.10.1785), рифмованными строчками (*они, какъ крапива стрекучая и будто смола липучая; учоныя, что яишница драчная, наврали* — 13.07.1780; *Пятница твая ушь пятитца* — 26.12.1779), шутливыми иносказаниями: *Алексашка с петелькай* — об ордене (30.10.1785); *твоя кривошлыкая теща* — о своей жене (03.08.1783) и др. Даже нецензурные выражения вписываются в этот образ — автор демонстрирует, что он прост и не постесняется сказать грубое слово, если оно, по его мнению, к месту.

В письмах П. Демидова встречается также и стиль, близкий поэтической речи, переходя на который, автор изменяет привычной маске балагура и простака. Чаще всего это касается тех фрагментов текста, где речь идет о природе. Например: *У насъ*

хоша льду нетъ. Однако утренния морозы — с снегомъ и холодно. И можно сказать, еще не видали и о празднике благораствореннаго и теплаго воздуха, все сиверка полуношныя и восточныя ветры насъ замучили. (08.04.1779). Характерно, что автор использует в данном случае только старославянские по происхождению окончания прилагательных, что усиливает стилевую выделенность текста.

В ряде случаев у П. Демидова балагурство уступает горестным раздумьям: *Я ушь не доживу, какъ мои труды по кончине Ивана Ивановича придетъ какой богатырь да Воспитательной домъ пхнетъ ногою въ Москву реку, вотъ и пузырья вверьхъ. А для тово: наша государство молодо, и всякая сволочь сперва смешалася, а большая ныне владычествуетъ азиатская зло. Не имеютъ благодарности, какія общія полезности государыня от дому пожаловала, и употребляютъ ту милость себе в грабежъ* (13.07.1780).

Письма П. Демидова обнаруживают в авторе зрелую языковую личность, с вниманием, но в то же время с большой степенью свободы относящуюся к становлению норм русского литературного языка. Он владеет приемами индивидуализации письменной речи, обнаруживает способности к языковой игре, а также к психологическому анализу языковой системы и собственной позиции как говорящего (пишущего), умеет передать свои чувства и оттенки своего настроения. В то же время письма свидетельствуют о том, что уже кодифицированные орфографические и грамматические нормы русского литературного языка еще не стали обязательными для грамотных людей той поры.

Учитывая все вышесказанное, попытаемся сравнить отца и сына в языковом плане. Акинфия Демидова можно назвать прагматической языковой личностью, а Прокофия Демидова — коммуникативной; для первого главное — иметь максимально точное знание о производственной ситуации и дать конкретные, подробные указания, касающиеся определенного аспекта деятельности, для второго — высказаться и быть услышанным и оригинальным. Отца и сына роднит творческий подход в выборе языковых средств воплощения своих столь различных коммуникативных установок: в их текстах отражается богатство родного языка, оба автора употребляют заимствования, термины, диалектизмы, просторечные единицы, церковнославянизмы, владеют различными стилями (деловым, разговорным, фольклорным — А. Демидов, разговорным и фольклорным — П. Демидов). Своего рода семейной традицией можно считать склонность обоих авторов к употреблению пословиц, поговорок, ярких сравнений и образных слов и выражений. Индивидуальность и яркость речи обнаруживаются в двух типах источников, только в разной степени, что, на наш взгляд, обусловлено несовпадением типов этих источников, а также личностными особенностями авторов.

Байдин В. И. «Последний скоморох» Кирша Данилов на Урале и в Невьянске: О времени и месте создания сб. «Древние российские стихотворения» // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы. Екатеринбург, 2001. С. 73—110.

- Вейсманнов* немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.
- Викторова Н. В.* Лингвотекстологический анализ переписки заводчиков Демидовых с приказчиками уральских заводов конца XVIII—XIX века (по материалам Государственного архива Челябинской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1994.
- Геннин В.* Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М., 1937.
- Голованова Е. И.* Проблема становления уральской горнозаводской терминологии в XVIII — начале XIX в. // Вести. Челяб. ун-та. Сер. 2, Филология. 1996. № 1. С. 171—174.
- Голованова Е. И.* Уральская горнозаводская терминология как культурный феномен // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тез. докл. Ч. 4. Челябинск, 1995. С. 203—206.
- Голощиков К. Д.* Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
- Иванова Е. Н.* Распоряжения Акинфия Никитича Демидова как факт истории русского языка (на примере заимствований из западноевропейских языков) // Альм. Международ. Демид. фонда. Вып. 2. М., 2003. С. 17—20.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кафенгауз Б. Б.* Хозяйство Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исслед. по истории урал. металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1.
- Курганов Н. Г.* Словарь разноречия, или Толкование еврейских, греческих, латинских, французских и прочих слов // Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769. С. 381—424.
- Лексикон* российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита. Ч. 1—2. СПб., 1762.
- Пирогова Е. П.* Библиотеки Демидовых: Книги и судьбы. Екатеринбург, 2000.
- Поликарпов-Орлов Ф. П.* Лексикон трехязычный сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
- Российский* Целлариус, или Этимологический российский лексикон, изданный Ф. Гелтергофом. М., 1771.
- Российский*, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный Нордстетом. Ч. 1—2. СПб., 1780—1782.
- СРГСУ—Д — Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнение. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—.... Вып. 1—...
- Черкасова А. С.* «...Чтоб железо делать самым добрым мастерством»: Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демид. временник: Ист. альм. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 10—29.

Статья поступила в редакцию 14.12.2006.